«УТВЕРЖДАЮ»
ректор Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»
кандидат социологических наук, доцент
И. А. Германов _____
«__» мая 2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

**Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
на диссертацию Микрюкова Виктора Алексеевича
на тему: «Категория аналогии в системе регулирования частноправовых отношений», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки. Москва, 2025**

Для целей составления Отзыва ведущей организации представлены:

– текст диссертационной работы, изложенный на 694 страницах и состоящий из введения, четырех глав, двадцати параграфов, заключения, библиографического списка, содержащего 789 наименований источников на русском языке и 194 на иностранных языках;

– автореферат диссертации на 50 страницах, включая список из 89 основных публикаций по теме диссертационного исследования, в том числе монографии и учебных изданий – 3, публикации в изданиях, рекомендованных ВАК – 55, в зарубежных изданиях, цитируемых Web of Science и Scopus – 16.

Исследование выполнено на кафедре предпринимательского и корпоративного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Научный консультант – доктор юридических наук, профессор Ершова Инна

Владимировна. Работа представлена для защиты по специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки в Диссертационный совет 24.2.336.01, созданный на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

Актуальность темы диссертационного исследования. Вопрос об аналогиях, именуемых в древности концепциями мысленного охвата, способом переноса смысла и одним из методов интуитивного восприятия сходства, во все времена остается для права актуальным. Имея сравнение с узлом, через который проходят самые прочные нити современного права, теоретико-правовое учение об аналогиях, ориентированное на улучшение эффективности правопонимания, правореализации и правоприменения, хранит свою научную значимость, побуждая доктрину открывать в нем неизведанное или замалчиваемое. В рецензируемом исследовании такими аспектами стали аргументативные возможности аналогии, идущие дальше институциональных представлений о правовых аналогиях, сконцентрированные в созданной соискателем концепции расширенной аналогии. В такой ее постановке проблема правовых аналогий еще не была предметом цивилистических размышлений.

Имея цель раздвинуть пределы традиционного понимания аналогии в частном праве, которые по его убеждению остаются зажатыми определением «антипробельного средства в нормотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности», спущенного цивилистам с высоты общей теории права, и стремясь к максимальному охвату инструментального ресурса категории «аналогия» в частном праве, соискатель сделал аналоговые рассуждения и аналоговые умозаключения ведущими приемами для движения исследовательской мысли.

Используя категориальный подход к исследованию аналоговых явлений в частном праве, диссертант стремится обосновать динамичные свойства правовых аналогий, что позволило ему обосновать тезис о том, что в этой отрасли права аналогия более значимая и весомая юридическая

категория, нежели то, как она представлена в традиционном теоретико-правовом и позитивно-правовом видении в качестве института гражданского законодательства, адресованного правоприменителю. По автору текущий потенциал частноправового регулирования, наделенного такими признаками как свобода, равенство и диспозитивность участников, заслуживают более пристального научного внимания к тому, что именуется аналогией. Научно-теоретическому обоснованию этого стартового суждения, сведенного к идее о том, что вариативное отношение к категории «аналогия» в частном праве является более оправданным, нежели стандартное видение в ней одного лишь антипробельного средства, соискатель посвятил свое исследование.

С помощью глубокого и скрупулезного анализа существующих научных взглядов на нетипичные с точки зрения позитивного права виды аналогических проявлений, обращения к конкретным нормам гражданского и семейного права, исследования большого объема материалов текущей и обобщенной практики правоприменения, соискатель сформулировал вариативную теорию допустимости аналогий в частном праве. Подобный ракурс научного познания проблемы аналогии в дискурсе юриспруденции в целом и в цивилистике в частности, когда предметом мысленного охвата стал практически весь наличный потенциал аналогического ресурса, способный быть описанным на концептуальном языке частного права, является новаторским.

По общему правилу исследование можно считать актуальным в том случае, если актуально не только выбранное диссертантом научное направление, но и заявленная тема исследования актуальна в двух отношениях: ее научное решение отвечает насущной потребности юридической науки и практики (1); и ее постижение в форме фиксации определённого уровня нового, неизвестного прежде научного знания, заполняет пробел в цивилистической науке, прежде не располагавшей теоретико-правовыми средствами для развития темы (2). Рецензируемая работа соответствует указанным требованиям.

Оценка структуры и содержания работы. Наименование диссертации, ее содержание и внутренняя структура находятся в системном и логическом единстве. Текст организован в четыре главы, включающие 20 параграфов. Рукопись изложена и оформлена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к диссертационным текстам. Выдвигаемые соискателем положения, сформированные в диссертации выводы и предложения, как результаты исследования, являются новыми и актуальными. Текст диссертации выполнен автором самостоятельно и творчески.

Соответствие содержания диссертации заявленной специальности и теме диссертации. Текстовое наполнение диссертации, специальности, а также выводы соискателя и предложения по совершенствованию законодательства соответствуют заявленной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки, о чем свидетельствуют сформулированные соискателем цели и задачи исследования, объект и предмет, а также дана объективная оценка степени научной разработанности заявленной проблемы в цивилистической науке.

Личный вклад соискателя в получение результатов исследования. Текст рукописи имеет оригинальный характер. Аналитические и эмпирические результаты исследования получены соискателем лично. Автореферат диссертации и обширный перечень авторских публикаций в полной мере отражают основное содержание диссертации и позволяют судить о степени полноты и завершенности исследовательского проекта в соответствии с поставленной целью. Предложенные автором новые решения аргументированы, достоверны, научно обоснованы и критически оценены по сравнению с другими известными ранее решениями.

Теоретическая и практическая значимость полученных автором диссертации результатов обоснована во вводной части диссертации (стр. 20). По итогам представленного обоснования она соответствует научно-квалификационному уровню проведенного исследования.

Новизна полученных результатов. В исследовании В.А. Микрюкова реализована одна из масштабных научно-теоретических попыток открыть, объяснить и научно описать малоизвестные и до настоящего времени недооцененные в науке гражданского права знания об аналогическом функционале. Рецензируемая работа являет собой итог масштабной теоретической генерации знаний об аналогиях в гражданском праве, по итогам которой создана невероятно сложная, но небесспорная новая научно-познавательная модель аналогической аргументации. Это первая научно-теоретическая попытка проанализировать юридическое понимание аналогии в свете идей, вытекающих из науки частного права с глубоким погружением в разнопредметное знание об аналогиях и демонстрацией академических умений сопоставлять разные языковые средства: термины, понятия, юридические и теоретические конструкции.

Результатом диссертационного исследования В.А. Микрюкова стали пятнадцать положений новизны. Их сопоставление с целями и задачами диссертационного исследования позволяет утверждать, что все они отвечают критерию новизны и их совокупная оценка дает основания для констатации, что диссертант предложил новый вариант прочтения проблемы аналогий в цивилистической науке.

Безусловное новаторское значение для развития научных знаний об аналогии в праве в целом, и в цивилистике в частности, имеют знания об аналогии как институционально-правовом средстве (стр. 35 – 46 дисс.); об аналогии как средстве выработки правотворческих решений и формирования нормативного массива (стр. 47 – 58 дисс.); о нормах-аналогиях в системе частноправового регулирования (стр. 125 – 150); об аналогиях в практике реализации отдельных норм гражданского и семейного законодательства (гл. 3, 4 дисс.). Представляется, что эти виды вновь созданного научного знания не только обладают достаточной новизной, но и имеют соответствующий научный потенциал для их внедрения в уже известное теоретико-правовое знание об аналогиях в юриспруденции.

В целом можно заключить, что научное стремление соискателя совершить дидактический, гносеологический и эмпирический сдвиг в освоении проблемы аналогий в частном праве со всей ее сложностью, предрешенной необходимостью балансировать между однозначностью и двусмысленностью, определенностью и неопределенностью, сходным и несходным, является реализованным.

Отмечая высокий научно-теоретический уровень проведенного исследования, его основательность, всесторонность, аналитическую плодотворность, факт масштабной апробации результатов исследования, высокий уровень научной добросовестности соискателя и его неформальную способность к мобилизации большого числа теоретических и практических источников, в порядке научной дискуссии следует указать на ряд небесспорных моментов.

1. Представляется, что эпистемологическая ценность рецензируемого исследования могла быть в разы выше при условии более тщательного следования канонам, относящимся к методологии создания и распространения научного знания. Этого требует как уровень исследования – научно-квалификационный, так и область его проведения – гуманитарная, где в отличие от других наук, нет запретов на образность, оценочность, вероятность и эмпиризм, но при этом существуют серьезные риски уйти в мировоззренческое, то есть личностно-субъективное видение проблемы.

Отдельный аргумент в пользу присутствия в исследовании продуманной методологической логистики связан с избранным соискателем подходом исследования – категориальным. Нет оснований оспаривать посылочный тезис соискателя о том, что аналогия – понятие многоплановое и пришло время «создавать многоуровневое и многокомпонентное новое научное знание о содержании категории аналогии в различных сегментах и отраслях системы регулирования частноправовых отношений» (стр. 8 дисс.). Но при этом следует признать, что залогом научно-теоретической жизнеспособности такого знания должна быть строгая методологическая

подготовленность проводимого исследования. То есть авторский подход, как система исследовательских координат, уберегающих исследователя от субъективного видения проблемы, известен, методы исследования представлены не в формально-типичной комбинаторике, а являются исключительно адресными, то есть согласованы с заявленным подходом, целями и задачами исследования.

Что на самом деле стоит за категориальным подходом и является ли он единственным для реализации исследовательского замысла, не ясно. Тогда как цели категориального подхода могут различаться, предполагая одну из трех: простое намерение упорядочить известные научные знания, относящиеся к понятию «аналогия» в науке и догматике (частного) права как ординарная цель любого исследования, основанного на приеме категоризации; стремление исследователя обосновать и легализовать новые научные понятия, указывающие на правовую аналогию как контекстуальное правовое явление, изучение которых явится источником новых научных знаний по проблеме; или ничем не ограниченный ассоциативно-эмпирический порыв автора проиллюстрировать одну сферу знания, неведомую науке, через другую – известную и более наглядную с помощью аналогий.

Известность подхода важна еще и потому, что в пространстве права нет стихийного номинирования понятий, стоящих за термином «аналогия». Все известные являются контекстными, пребывая под контролем того смысла, который задан им нормами позитивного права и/или методологией юридической науки как научной дисциплины. В числе первых аналогия закона и аналогия права (ст. 6 ГК РФ). В числе вторых: логическое правило (по Ф. Савиньи – логическое обоснование, присущее развитию системы права); способ рациональной аргументации и умозаключения; метод научного объяснения; прием научного мышления; метод логического вывода; оценочное понятие (напр., аналогичная цена) и др.

Вопреки научно-теоретическим ожиданиям, соискатель начал своё исследование не с идентификации научного подхода и не с уточнения его категориального аппарата, что само по себе является залогом системности дискурса, а также не с аргументов о текущем развитии научного правового знания по проблеме правовых аналогий, а с критичного посыла о том, что ничего статичного в существующих юридических представлениях о феномене аналогии нет и они уже давно должны стать просторнее того, что стоит за таким «паллиативным средством правоприменения как аналогия закона и аналогия права» (стр. 4 дисс.).

Единой для всех наук теории аналогии нет – каждая из них, «следуя в этом вопросе чувству этимологической веры» (Х. Перельман, 1987), открывает для себя свои гносеологические и эвристические возможности аналогий исходя из предметных целей и задач. Какова эта мера в понимании соискателя и где проходит граница проводимого им юридического исследования, которое с его легкой руки получило маркер креативного, осталось не ясным. По тексту весьма заметно, что аналоговое знание в его совокупном виде представляет собой некую общую теорию, которая охватывает мыслительную деятельность юристов, способных безбарьерно, то есть автоматически мыслить об аналогиях в контексте нескольких знаниевых областей (философии, логики, социологии, филологии и др.), полагая, что все сказанное в других науках об аналогии, уместно и для юридических рассуждений.

Признать такую стратегию развития научных знаний об аналогии совершенной нельзя. Общность историко-философских корней у всех видов знаний об аналогиях отнюдь не свидетельство их эквивалентности. Считать иначе – значит создавать не новое научное знание по проблеме правовых аналогий, а некую научную надсистему, если не отрицающую все предшествующие научные знания об аналогиях в праве, то заметно возвышающуюся над ними.

2. Приметы этой надсистемы обнаруживаются в положениях новизны диссертации, ставшие местом упорядочения категориального, а также эмпирического, ассоциативного и естественного видения «аналогических проявлений» (так автор именует составные части представляемого им аналогического множества). Практически каждое из них организовано вокруг новой аналоговой категории, созданной с помощью разных лексических операций. Восприятие итогового риторического разнообразия, не согласованного внутри самого себя, весьма затруднительно. Создавая его, соискатель отстранился от максимы о том, что разветвленные когнитивные знания об аналогических явлениях (аналогия ощущаемая, проговоренная, доказанная, прямая или буквальная, образная или фигуральная, строгая и популярная, типичная и нестандартная, распространенная, маловероятная, высоковероятная и т.д.) являются внешними по отношению к праву и беспрепятственной экстраполяции на сферу права не подлежат. Как заметил Ж. Карбонье, знания о правовых аналогиях «не предназначены для того, чтобы создавать их видовые классификации и сводную таблицу аналоговых примеров». Для системного и предметного видения знаний об аналогиях в праве достаточно распознать ту градацию, которая указывает на аналогию институциональную или официальную, находящуюся под контролем позитивного права (ст. 6 ГК РФ), и аналогию аналитическую или умопостигаемую, имеющую статус гносеологического средства.

Способность увидеть эту дихотомию в правовом исследовании – одно из условий научности диссертационного текста, его структурированности и достоверности имеющихся в нем выводов. Но соискатель выбрал другой – междисциплинарный подход, который не учитывает, что большинство внешних знаний об аналогии теряют свою актуальность в пространстве права, задающем им гораздо более узкое значение. Это позволило ему «сломать» гносеологические границы проблемы, сделав источником движения мысли практически ничем не ограниченный буквальный

философский посыл о силе аналогий, их креативности, полифункциональности, универсализме и естественности (стр. 82 – 25 дисс.).

На стр. 29 дисс. соискатель все же предпринял попытку разобраться в том, что есть аналогия в смысле права («институт», «метод», «способ», «средство», «инструмент», «принцип», «нормативный регулятор»), и что на самом деле стоит за аналогиями в историко-философском знании (стр. 31). Но эти попытки не отразились на алгоритме движения исследовательской мысли, которая осталась не отмеченной запретом о том, что правовые аналогии малоспособны к различным логическим трансформациям – в правовом дискурсе права они имеют строго конкретные цели.

3. Отдельно следует сказать о научных методах исследования и их формулировках. Открыть аналогическое многообразие в частном праве, опираясь на юридическую интуицию и бесконечное доверие ко всему тому, что может быть поименовано правовой аналогией, и по научному убедительно обосновать научно-теоретическую концепцию расширенной аналогии, значимую для эволюционного видения частноправового регулирования, – это разные научные решения. Претендуя на многосмысловое, логическое, риторическое и эмпирическое видение проблемы правовых аналогий, соискатель презентовал их на стр. 11 диссертации. Общенаучные методы представлены универсально, частнонаучные (специальные) спонтанно и весьма неполно. Вероятно поэтому часть «других» методов оказалась «рассыпанной» по всему тексту, поражая своими словесными образами – метод автономного аналогического регулирования (стр. 13), метод проб и ошибок (стр. 179), метод частноправовой интуиции и инициативы (стр. 593) и др.

Разность линейки отобранных соискателем методов исследования и видом решаемых проблем весьма заметна. Плюс уклонение соискателя от аргументации о том, какой цели исследования служит конкретный метод говорит о формальном подходе к их отобранию. Несмотря на то, что «обычная синусоида юридической исследовательской мысли выражает ее

способность мыслить от общего к частному и от частного к общему» (А.В. Волков), ведущим для автора стал метод традукции, предполагающий движение мысли от частного к частному с предположением о том, что общих предпосылок для описания открытого сходства не существует. Несмотря на то, что этот метод нехарактерен для научного юридического познания в силу его эмпирического потенциала, позволяющего мыслить с помощью приемов рационального выбора, вопрос об условиях допустимости метода традукции в проводимом исследовании оставлен без обсуждения. В тексте лишь видны многочисленные следы его «работы», выраженные в констатации не всегда сопоставимых между собой частностей. С опорой на традукцию соискатель также сделал весьма неожиданный научный вывод, по его собственному признанию апостериорного характера, то есть полученного из опыта и обусловленное им (стр. 179 дисс.). Смысл этого спорного и методологически неупорядоченного вывода в том, что все проблемы в пространстве гражданско-правовой диспозитивности можно и нужно решать с помощью аналогии. По автору предпосылкой для этого служит не новое научное знание об аналогиях в гражданском праве, а «серьезное количественное накопление практического опыта использования аналогии закона и аналогии права в различных сферах частноправовой активности, что является сигналом о готовности отечественной правовой системы к качественным изменениям в данном аспекте» (стр. 172 дисс.).

4. Произвольный выбор методов исследования и не всегда неуловимое наращивание их числа по ходу исследования отразились на формулировках плана исследования – в нем заметны как композиционные погрешности, так и терминологические. Каждый пункт плана являет собой набор отдельных частностей, уловить порядок соотношения которых в их совместном сосуществовании не представляется возможным – то самое спиралевидное или «лестничное» развитие плана, которое подчинено логике развития научно-теоретических рассуждений уловить непросто. Название главы 2 весьма условно соответствует её структуре и содержанию. Если учесть, что в

идеале научная логистика плана должна быть представлена отдельными мини-обобщениями, имеющими строго заданный внутренний логический объем, и работающими на взаимодополнение той идеи, которая заявлена в названии исследования, то в данной главе этого нет. Практически все ее формулировки направлены на процесс (правовое регулирование, применение законодательства, регулирующего частноправовые отношения и т.д.), а не на решение конкретной цивилистической проблемы. Неясна и логическая соподчиненность этих формулировок, а также их соотношение со словосочетанием, использованным в названии работы – «*система регулирования* частноправовых отношений». Как эта дробность понятий сочетается с известным научно-конвенциональным понятием «механизм (гражданско) правового регулирования» известно только автору.

5. Представляется, что при создании концепции расширенной аналогии в частном праве соискатель выбрал не самый верный теоретический посыл, утверждая что «существование пробелов в сфере частного права имманентно процессу нормотворчества» (стр. 27 дисс.), и ему априори присущ «недостаток регуляторной определенности и дефицита правового материала» (стр. 32 дисс.). В связи с этим следует бороться с неопределенностью, неполнотой, дефектностью, расплывчатостью и неадекватностью нормативно-правового и договорного регулирования» (стр. 179 дисс.). В таких условиях «чрезмерно осторожное отношение к институту аналогии не имеет весомых оснований» (стр. 31 дисс.).

Презюмируя на самом деле не презюмируемое и обходя неписанное, но важное предположение о том, что «законодатель априори признается умным, вездесущим, постоянно следит за изменениями в общественной жизни, своевременно и адекватно совершенствует действующее законодательство» (Гаврилов Д.А., 2000), отказался признавать, что правовая аналогия во всех ее проявлениях – это на самом деле экстраординарное средством, к которому прибегают в столь экстраординарных обстоятельствах. Отсюда есть некий тревожный признак, состоящий в том, что погружение соискателя в

рассуждения о расширенной правовой аналогии на самом деле оказались ничем не ограниченными кроме упоминания об общеизвестном запрете на применение аналогии в тех случаях, когда «аналогия ограничивает права и свободы физических и юридических лиц…» (стр. 260 дисс.).

Соискатель явно не озаботился вопросом о том, есть ли какая-то система логики, которая бы удерживала его эмпирические суждения о разных видах аналогических проекций, основанных на его бесконечном доверии к аналогиям, от стихийности, одноразовости и гипотетичности. Как утверждал Ф. Гегель «суждение, основанное на аналогии, всегда поверхностное». Оно лишено поддержки со стороны объективных фактов. Основанное на традуктивном методе, оно несет риски появления мнимых аналогий, за которыми стоит не более чем мнимая возможность прийти к удобному выводу. Нежелание считаться с этими рисками и прибегание к аналогиям как повсеместной возможности чревато порождением аналогических рассуждений и умозаключений, способных претендовать на туже функцию, что и нормы права, что интересах определенности позитивного права не представляется возможным.

6. На стр. 35 диссертации соискатель высказывает утверждающий тезис о том, что «использование авторами преимущественно нормативно-догматического подхода к аналогии … не позволяет говорить о появлении научного источника, который комплексно представил бы достоинства аналогии не как абстрактной логико-правовой конструкции, а как живого, реально действующего института». Лексическая понятность тезиса не компенсирует его смысловое наполнение главным образом потому, что рассуждать об аналогии как многозначном правовом феномене по научному правомерно при том условии, что «основная хитрость правовых аналогий разгадана … эта хитрость состоит в том, чтобы отыскать самую главную из них» (Д. Хантер). В континентальном праве, признающем ту аналогию, на которую нужно разрешение закона, несомненной важностью обладает аналогия закона и права как способ преодоления пробельности права. Такая

стратегия имеющая связь с гарантиями судебной защиты, пребывает в бесспорном приоритете еще и потому, что служит гарантом против конкуренции и противоречий между различными линиями аргументации по аналогии.

Соискатель не избежал обращения к этому институту, однако о его позитивно-правовой ценности умолчал, ограничившись имплицитными и во многом центробежными суждениями о том, что учение о нем существует вне эволюционных перспектив. Тезис о внеэволюционном существовании этого учения является как минимум ошибочен. Об обратном свидетельствуют актуальные труды по проблеме последнего пятилетия, не попавшие в сферу исследовательского внимания соискателя: А.Г. Карапетов Основные положения гражданского права. М.: Логос, 2020. Постатейный комментарий ст. 6 ГК РФ. С. 441 – 473; Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография. Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Инфра-М, 2023. Пункт 1.6. «Проблема применения аналогии закона и аналогии права в научной и судебной доктринах»; Ларенц К., К-В. Канарис Методология юриспруденции. Пер. с нем. К. В. Нама. М.: М-Логос, 2024.

7. Присвоив аналогии статус сквозного юридического средства, диссертант отрешился от весьма значимых теоретико-правовых рассуждений о том, с какими более широкими проблемами и категориями соотносится заявленная им тема исследования. Тогда как вопрос о конкуренции в аналогическом мышлении в праве крайне актуален поскольку прием аналогии далеко не единственный инструмент сближения юридических смыслов в ситуациях сходства или подобия. В числе других инструментов юридические фикции, имеющие второе название приемы уподобления; писаные (напр., ст. 307.1 ГК РФ) и неписанные правила субсидиарного применения норм гражданского законодательства как вида нормативного резерва или вспомогательного элемента в правовом регулировании отношений. Точечные суждения соискателя о субсидиарности, присутствующие в тексте диссертации, не имеют цели разграничить эти

явления. В литературе их наиболее убедительно разграничил А.Г. Карапетов. В числе других приемов, также требующих разграничения с аналогиями конкретизация права, фиктивные пробелы (Э. Цительман, Г. Кельзен), проблемы технико-юридические и политико-правовые (телеологические). Последние имеют прямую связь с концепцией соискателя, как и вопрос о распространительном (расширительном) толковании как правоприменительной операции, на основе которой создается восполняющее правило.

В силу того, что расширительное толкование в науке нередко смешивается с аналогическими практиками, отказ соискателя рассуждать об их соотношении в рамках данного исследования является упущением. Простая констатация на стр. 25 диссертации о том, что такая проблема существует со ссылкой на исследования Е. Ю. Тихонравова (2013 г.), Е.И. Спектор (2003 г.), Е.Ф. Уранского (2005 г.) не компенсирует его. Цель и предмет проводимого исследования, наличие в его структуре глав 3 и 4, его «вечная» спорность, требуют предметных рассуждений по этому срезу проблемы. Как утверждали дореволюционные классики, аналогия работает в случае молчания закона, в то время как расширительное толкование рассматривается в случае неясности текста и потому всегда остается в пределах возможных значений текста (Г.Ф. Шершеневич, Ю. С. Гамбаров, Е. В. Васьковский). В современной науке это различие признается с указанием на то, что «толкование всегда выходит за пределы закона, тогда как аналогия считается с обстоятельствами, которые законодателем не были предусмотрены (С.С. Алексеев). Изначально другой подход принят в немецкой цивилистике, где изначально действовало и продолжает действовать более лояльное правило о том, что различие между аналогией и расширительным толкованием «как ни твердо оно в теории, в каждом отдельном случае провести бывает трудно и даже невозможно– одна деятельность незаметно переходит в другую и ответить с уверенностью на вопросы о том, действительно ли законодатель не сказал того, что хотел

сказать возможно не всегда (Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. I: Общая часть. СПб., 1874).

Соискатель также обошел вниманием вопрос о том, что в мировой практике прием аналогии – не единственный способ преодоления правовой неопределенности. Наряду с умозаключениями по аналогии и по противоположности применяются способы, которые не имеют прямой связи с логическим развитием правовых норм – судебный запрос законодателю; свободное судебное правотворчество (по ст. 1 Швейцарского гражданского кодекса «при отсутствии в законе соответствующего предписания судья должен вынести решение согласно обычному праву, а при отсутствии обычая – согласно правилам, которые он установил бы, будучи законодателем); обращение к естественному праву; взвешивание интересов и др. (Стратегии судебного толкования и принципы права: учебное пособие / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, А. А. Краевский, В. Е. Кондуров, Д. А. Сошникова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. С. 326–330).

8. Общеизвестен тот факт, что научная и юридическая судьба аналогии в праве неизбежно зависит от доминирующей концепции правовой системы страны. Эта максима подтверждает факт идеологической зависимости концепции правовой аналогии от культурного развития права. В странах общего права дебаты об аналогиях неизбежно сводятся к тому, что аналогия – явление многозначное, имеющее разный функционал. Здесь оно инструмент толкования текста статутов и материалов судебной практики, и одновременно источник мобилизации фактов для создания модели прецедента. Тогда как континентальная доктрина придерживается формалистического понимания права, способов его создания и применения. В рецензируемом исследовании явно заметен след англо-американской традиции права. Лакмусом этого служит как стиль авторских рассуждений, ориентированный не на статику, а динамику аналогических операций, так и данные библиографии, где абсолютное большинство источников посвящено проблемам аналогии в общем праве.

Соискатель часто прибегает к аргументам о справедливости. Ее понятие в разных правовых системах не совпадает: в доктрине общего права это элемент либерального подхода (формальная справедливость). В ее рамках аналогия рассматривается как отсылка к принципам, выведенным из естественного права, а необходимость рассматривать аналогичные дела одинаково представлена как двойное требование соблюдать как законы, так и прецеденты. В континентальном праве – это ценность, не мыслимая без теоретической основы. В контексте этой ценности аналогия рассматривается прежде всего как правовой институт, исследуемый с помощью методов формальной логики, и лишь потом все остальное, познаваемое с точки зрения методологии юридической науки.

Отдельно следует сказать об объеме заявленного исследования и его терминологической дисциплине, сказавшихся на таких качествах текста как его читабельность. Нет оснований отрицать, что автор проделал безусловно сложную и научно трудоемкую аналитическую работу, стремясь представить на суд цивилистов максимально подробное и всеохватное гражданско-правовое видение того, что связано с правовыми аналогиями и аналогическим регулированием. Однако при всем при этом назвать текст точным, лаконичным, в полной мере логичным затруднительно. Создавая текст, соискатель недостаточно ориентировался на диалогическое понимание смысла того, о чем он пишет. Об этом говорит внутриструктурный объем текста (§ 1 гл. 1 имеет объем 60 стр., § 2 и 4 гл. 1 – по 50 стр., в других главах также есть параграфы по 40 стр.). А также явный недостаток обобщений, которых нет даже в тексте Заключения как той части, которая специально для этого предназначена, тогда как обобщения связывают текст, представляют его цельным и одновременно удерживают внимание читателя. Нельзя не сказать и о присутствии в тексте околотематических наполнений – не обрамленные обобщениями, они часто лишь присутствуют в тексте, добавляя ему объем, но с целью и темой исследования согласованы не всегда. Текст также пестрит «риторическими изобретениями» и неологизмами, о

содержании которых приходится часто лишь догадываться, поскольку референты каждого существует главным образом в эмпирических ассоциациях самого диссертанта. В итоге понимание читаемого текста оказывается исключительно бременем самого читателя (а не автора и читателя), которому самостоятельно предстоит собрать воедино все написанное, чтобы понять «как это в итоге работает».

Высказанные замечания не влияют на общий вывод, который по итогам проведенного рецензирования представленного текста делает ведущая организация, признавая диссертационное исследование Виктора Алексеевича Микрюкова «Категория аналогий в системе регулирования частноправовых отношений» самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение крупной научной проблемы, имеющей существенное значение для развития науки гражданского права.

По содержанию и форме выполненное диссертационное исследование отвечает требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842 (ред. от 16.10.2024 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, а ее автор – Микрюков Виктор Алексеевич заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки.

Настоящий отзыв подготовлен профессором кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доктором юридических наук по специальности 12.00.03, профессором Еленой Генриховной Комиссаровой; профессором кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доктором юридических наук по специальности 12.00.03, профессором Антоном Геннадьевичем Матвеевым; профессором кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский

университет» доктором юридических наук по специальности 5.1.3 частно-правовые (цивилистические) науки, доцентом Дмитрием Анатольевичем Формакидовым.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры гражданского права юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (протокол № 9 от 28 мая 2025 г.)

Заведующий кафедрой гражданского права
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
кандидат юридических наук, доцент

Тамара Васильевна Шершень

28.05.2025

Подпись Т.В. Шершень удостоверяю:
Ученый секретарь ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Елена Петровна Антропова

Кафедра гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес: 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15,
веб-сайт университета: http://www.psu.ru
e-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com; тел. кафедры: +7 (342)2-396-525